

УДК 82 (075.4)

ТРАДИЦИОННЫЙ СУФИЙСКИЙ МОТИВ «ФАНА» В ПОЭЗИИ АБДУРАХМАНА ИЗ КАКАШУРЫ

А. Т. Акамов

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье предпринята попытка рассмотреть отражение популярного суфийского мотива «фана» в поэзии Абдурахмана из Какашуры и выявить его характерные особенности в кумыкской и во всей дагестанской духовной литературе в целом.

The attempt to consider the reflection the Sufi "fana" motive in the poetry of Abdurrahman from Kakashura and to reveal its typical particularities in the Kumyk poetry and Dagestanian spiritual literature in the whole is made.

Ключевые слова: ислам; суфизм; исламские мотивы; духовная литература; кумыкская литература.

Keywords: Islam; Sufizm; Islamic motives; spiritual literature; Kumyk literature.

Жизнь и творческая деятельность Абдурахмана из Какашуры – одного из видных представителей кумыкской духовной литературы – приходится на последнюю треть XVIII – середину XIX вв. (ум. в 1841 г.)

В его произведениях, относящихся к жанру «тюрки», нашли отражение проблемы утверждения исламских идеалов, духовного и нравственного воспитания правоверного мусульманина. В них прослеживается работа авторской мысли на назидание и наставление, побудительный пафос и повторяемость из текста в текст одних и тех же образов и предписаний – о пользе чтения Корана и его достоинствах, о том, как возвеличивать Всевышнего и просить прощание за грехи, что дозволено и что запрещено мусульманину, о бренности земного существования и необходимости добросовестно исполнять все предписания ислама, картины Судного дня, ада и рая. Эта ставшая нормой для поэзии Абдурахмана повторяемость тем, сюжетов, образов, поэтических троп непосредственно исходит из традиций Корана и всей арабской литературы, «для которых повторы, ретардация, постепенное нагнетание интенсивности были чрезвычайно характерны» [1, с. 59].

«Тюрки» Абдурахмана из Какашуры в основном схожи друг с другом, и весьма проблематично провести между ними содержательную или формальную грань. Но следует подчеркнуть, что эта однотипность произведений, их схожесть друг с другом и в содержательном и в формальном плане рассматриваются нами не как изъян в поэзии Абдурахмана из Какашуры. Это явление было характерно для всех литератур средневекового мусульманского Востока. «Литературное сочинение на средневековом мусульманском Востоке, в частности, в средневековой Анатолии, чтобы иметь успех у читателей и слушателей, не должно было порывать ни с литературной традицией, ни с традиционной моралью. Новаторство мало занимало как самих писателей, так и их читателей. В этом можно видеть одно из качественных различий в авторских устремлениях и читательском восприятии людей средневековья и нашего времени» [2, с. 122]. Это положение подтверждается, в частности, и на материале персо- и тюркоязычных историографических сочинений эпохи средневековья [3, с. 71].

Религиозные песнопения, элегии-плачи, проповеди и наставления создавали особый духовный климат, пропитывали сознание характерными настроениями, чувствами и идеалами, строили образ возвышенного человека, сумевшего подняться выше благ и соблазнов «бренного» мира и служить высокому и вечному. Поэтизация борцов за идеалы ислама, естественно, начинается с образа пророка Мухаммада как высшего проявления человеческого духа и идеала каждого мусульманина. Особенно многосложно и проникновенно открылись эти стороны духовной поэзии в творчестве Абдурахмана из Какашуры. Большое место в своих «тюрки» Абдурахман из Какашуры отводит разъяснению и укреплению в сознании людей пяти столпов ислама: признания формулы «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад пророк его», обязательности своевременного выполнения пятикратной ежедневной молитвы, уплаты заката – налога в пользу неимущих со своего имущества, тридцатидневного обязательного поста в месяце Рамазан, хаджа – паломничества в Мекку. Абдурахман из Какашуры особо подчеркивает значение пяти своевременно выполненных молитв, считая их основой основ ислама. В сти-

хотворении «Гъар к'ууллукъну башыдыр ол беш намаз» («Начало любого дела – пять молитв») поэт пишет:

Ислам ёлда беш намаз дин терекдир,
Аны к'ыылгъан жагъаннемден арекдир,
Ахырат уюне ёлдаш герекдир,
Гъар ерде де ёлдашдыр ол беш намаз [4, с. 14].

*На пути к исламу пять молитв – дерево веры,
Кто их выполняет, тот далек от ада,
На тот свет нам нужен спутник,
Всюду твой спутник – эти пять молитв¹.*

Абдурахман из Какашуры написал элегию-плач на смерть Мухаммада «Расулуллагъ оьлмакъны баянындагъы тюрк» («Описание смерти Пророка Мухаммада»). В этом «тюрки» поэт подробно описывает, как Пророк заболел, как дочь Патимат стояла у его изголовья, как пришел ангел смерти Азраил и т.д. Он передает эти события так достоверно и таким плавным речитативным стилем, что читающий сам как бы оказывается на месте событий. Смертью Мухаммада Абдурахман как бы напоминает, что даже посланник Аллаха не остался в этом преходящем мире. Поэт призывает людей жить честно, достойно, соблюдая нормы шариата, ибо завтра они предстанут перед Всевышним.

Вновь и вновь обращается поэт к своим слушателям с призывами следовать «прямым путем» и не поддаваться козням шайтана, как можно больше читать Коран, неутомимо рисует райские и земные щедроты, которыми Аллах одаривает благочестивых, и в резком контрасте с ними даются устрашающие картины ада, куда неминуемо попадут грешники. Для тех, кто не живет согласно морально-этическим уложениям ислама, кто не соблюдает его столпы, поэт описывает их ужасную участь в потустороннем мире.

Степень влияния ислама и Корана на развитие литератур еще не до конца разработана в национальных литературоведениях, вследствие чего исследование сюжетно-композиционных, тематико-содержательных особенностей сказаний, влияния поэтики Корана на литературный процесс, как в целом, так и по периодам времени, является весьма актуальной проблемой [5, с. 86].

Абдурахман из Какашуры в таких произведениях, как «Пикри к'ыилян билир тамашаланы» («Кто поразмыслит, тот познает чудеса»), «Исрапил сюр чалып аваз гелянда» («Когда Исрапил затрубит в трубу»), «Вай, аман, к'абур азабы» («Ах, эти муки загробные»), «Ер к'арнында не тюрлю гьал бар экен?» («Что же творится в чреве земли?»), «К'ыямат гюн гьакъ диванын к'уранда» («В Судный день когда Всевышний устроит суд»), «К'ыямат гюн гелянда» («Когда наступит Судный день»), «Бу пана дюньядан г'ечаниям мен» («Я покину этот бренный мир») и многих других не жалеет красок, щедро использует коранические представления о Судном дне, когда всем грешникам воздастся полной мерой. Не забывает ли ты о том дне, вопрошает поэт, когда все люди придут в смятение, когда они не будут знать, что делать, и в полной растерянности понурят головы? Ангел Исрапил затрубит в трубу – все мертвые будут воскрешены, восстанут из могил, и двинутся с места, соберутся все на площади «Махшар», и судьей над всем будет Всевышний Аллах. Ангелы ада будут хватать их, тащить в геенну огненную, на грешниках загорится кожа и начнут обугливаться их кости. В тот миг будет исторгнут ужасный стон. Ангел, стоящий у врат ада, скажет: «Ад, увь, увь». Все затрясутся, перепугаются. Горы сдвинутся с места, от страха расколется небо, разорвется цепь звезд, и звезды посыплются на землю. Все наши грехи, констатирует Абдурахман из Какашуры, будут собраны воедино, будет разорвано множество завес, и о тех твоих грехах, о которых ты не знал, будут говорить тебе твои руки, ноги и другие части тела.

Гъар кимге тептерин берген заманда,
Язылгъан амалын г'ерген заманда,
Аякълары шагъат болгъан заманда –
К'юллары с'ейлегендедир тамаша [4, с. 12].

*Когда каждому отдадут его книгу (жизни),
Когда он увидит записанные в ней свои поступки,
Когда ноги его засвидетельствуют –
А руки будут говорить, вот это – чудеса.*

(«Пикри к'ыилян билир тамашаланы»)

(«Кто поразмыслит, тот чудеса познает»)

Далее поэт в этих произведениях рисует страшные картины одиночества в могиле, когда кроме скорпионов и змей никого рядом не будет, даже мать не узнает сына, а сын – отца. Абдурахман из Какашуры подробно описывает последние минуты человека на грешной земле. Также поэт описывает похоронный обряд мусульман: омование покойного, облачение в саван, погребение. И самое страшное, когда покойник остается один в могиле со страшными условиями загробной жизни.

¹ Здесь и далее подстрочники наши.

Къарнымда къара хурт ойнар,
Къаным ичер, этим чайнар,
Къабур къысар, жаным къыйнар –
Вай, аман, къабур азабы [4, с. 20].

(«Вай, аман, къабур азабы»)

*В моем чреве будет играть черный червь,
Высасывая кровь мою, и плоть мою жуя,
Могила станет тесной для меня, замучит душу мою –
Ах, эти муки загробной жизни.*

(«Ах, эти муки могильные»)

Затем поэт приводит образы Мункара и Накира – страшных загробных ангелов и демонстрирует беспомощность перед ними некогда гордого и самоуверенного человека. Каждому, говорится, на том свете воздается по заслугам. Аллах милостив к праведнику за его добрые дела, послушную исламу жизнь. Всевышний облачает его в райские одежды, могила наполняется ароматными запахами и превращается в просторное жилище. По заслугам воздается отступнику, лжецу и лицемеру. Его облачают в адские одежды, на него набрасываются огромные змеи и черви, они рвут его тело на части, обгладывают его кости. В таких пытках он находится до самого Судного дня. Чтобы описать адские пытки, Абдурахман из Какашуры использует традиционные суфийские приемы. В одном из «тюрки» таким приемом служит сон, и он описывает то, что видел ночью, во сне, – загробную жизнь:

Мен гёрдюм юхумда, анам
Сейледи насигъат калам,
Деди: «Мускир ичме, балам,
Отуна янанлар гёрдюм».
Деди: «Тавба ойла, балам,
Баян болсун гьалал-гъарам,
Бакъ не сейлей Къуран калам –
«Динин тут», – диянлар гёрдюм» [4, с. 16].

(«Муъминлер, гече тюшюмде»)

*Во сне я видел мать свою,
Дающую наставления мне.
«Не пей вино, сын мой», – сказала мне, –
Я видела пылающих в огне его».
«Ищи покорность, сын мой, – сказала мать, –
Знай, что дозволено, а что нет,
Соблюдай предписания Корана.
Говоривших «Следуй религии», видел я.*

(«Верующие, ночью я во сне»)

Популярный суфийский мотив «фана» пронизывает всю поэзию Абдурахмана из Какашуры. «Как и его дагестанские предшественники и современники, Абубакар из Аймаки, Гасан из Кудали, Абдурахман из Какашуры в большинстве своих произведений призывал соотечественников полностью предаться воле Аллаха, служению религии, забыть о бренной жизни, земных благах» [6, с. 31]. Как отмечает исследователь, для суфийской поэзии характерны аскетическая ненависть к телу, культ бедности, осуждение богатства и роскоши, которые, согласно суфийской философии, также связаны с идеями фана.

Поэт сравнивает душу человека с птицей, а тело – с клеткой («Танда жаным тарлана эди» – «Душа моя была внутри тела»). С «клеткой» плоти, с «цепями» земной жизни удаётся справиться благодаря праведной жизни, служению истине, раскаянию в «мирских» делах, и только укрепившись в своей вере, человек смело может проститься с этой жизнью:

Гъар ким сагъа бакъса, ёлдан адаша,
Гъара мен гетдим, сен парахат яша,
Досгъа душман олмакъ, бу не тамаша –
Тамандыр къой мени, ай, пана дюнья! [4, с. 56]

(«Ай, дюнья, сен мени саласан отгъа»)

*Каждый, кто следует тебе (мир), тот заблуждается,
Теперь я ушел (из жизни), ты живи спокойно (мир).
Быть врагом другу, что за чудеса!
Хватит, о бренный мир, оставь меня!*

(«О, мир [бренный], ты бросаешь меня в огонь»)

Абдурахман из Какашуры, используя традиционные суфийские образы, подводит читателя к мысли, что телесная смерть открывает путь к вечной «духовной» жизни, – как избавление птицы из клетки. Быстротечность жизни, суетность всего мирского чаще всего в поэзии Абдурахмана из Какашуры символизируют дерево без корней, на которое нельзя опереться, ибо оно упадет на землю как подрубленное, сладкоголосый соловей, который навеки умолкает. Земную жизнь поэт считает разрушительницей («хараба») духа человека и т.д. Преходящесть земной жизни поэт подчеркивает, изображая человека гостем в этом мире («Мусапирсен, ёлунг таны» – «Ты, путник, знай свой путь»). Образ пришельца, гостя, который зашел ненадолго и непременно уйдет, – традиционный для суфийской литературы. Традиционны и встречающиеся у Абдурахмана образ моря, символизирующего истину («хакикат»), и образ корабля, символизирующего шариат.

Своеобразие творческого почерка поэта находит свое выражение и в его художественной интерпретации библейско-коранических образов, догматов и сюжетов. Поэт часто называет имена пророков – Адама, Нуха (Ноя), Сулеймана (Соломона), Юнуса (Иона), Юсупа (Иосифа), Мусы (Моисей), Исы (Иисуса), Ибрахима (Авраама) и Мухаммада. Он приводит их традиционные, устойчивые особенности, черты характера. Так, в стихотворении «Къадир Аллагъ

к'удратындан азалда» («Всемогущий Аллах по воле своей извечно»), когда речь заходит о Нухе, он выделяет его терпимость ко всем страданиям, которые были ему ниспосланы; в Сулеймане, которому подчинялись птицы и звери, он отмечает его мудрость; в Ибрахиме – послушность и т.д. В стихах поэта предстает вся иерархия пророков, начиная с Адама и заканчивая последним пророком Мухаммадом. А далее идет то, что можно назвать композиционным приемом «интригования» читателя: поэт начинает также перечислять имена известных грешников, наказанных Аллахом, – утонувшего царя Фиравна, Намруда, погубленного комаром; в резком контрасте с ними напоминает об известных праведниках, спасшихся в трудную минуту по воле Милосердного Аллаха, – об Ибрахиме (Авраам), который не сгорел в огне и для которого песок превратился в муку, а гора родила верблюдицу, давшую молоко его племени. Далее идет рассказ об избраннике Аллаха Нухе (Ной), спасшем от потопа себя и своих ближних на ковчеге. За всем этим следует обобщающая строфа, ради которой, собственно, и писался весь предшествующий рассказ об избранниках Аллаха:

Яд айладым он эки пайхаммарны,
Юз йигирма дёрт минг набилар г'яни,
К'япуллукуьда пак'ыяр Абдуураг'мани –
К'яаплат юхусунда шол гетмадиму? [4, с. 22]
(«К'ядир Аллаг' к'удратындан азалда»)

*Я вспомнил про двенадцать избранников,
Про сто двадцать четыре тысячи пророков,
В неведении бедный Абдуурахман –
Разве не ушел (из мира) он во сне беспечности?
(«Всемогущий Аллах по воле своей извечно»)*

Таким образом, Абдурахман из Какашуры целенаправленно создает интересный для религиозного человека контекст вокруг тщетности и суетности всего мирского и подводит читателя к пониманию того, что спасением для людей, тонущих в море греха, может стать только служение высшему и вечному – Богу.

Естественно, что, читая о разных пророках и чудесах, читатель не только заинтригован данным текстом, но и – что особенно важно для суфийского автора – эмоционально подготовлен для его дальнейшего восприятия.

«Можно сказать, что композиционный прием интригования и эмоциональной подготовки читателя с помощью определенного набора образов и сюжетов – это элемент суфийского стиля...» [7, с. 122]. В произведении «Бу отуз тог'уз яшымда» («В эти тридцать девять моих лет») Абдурахман из Какашуры, анализируя обычную человеческую жизнь, показывает, к чему ведет бесцельная растрата сил или использование их во вред окружающим, и одновременно утверждает идеал доброго дела, которое должно быть неизменным путеводителем человека.

Сначала человек зарождается в отцовском бедре, затем в чреве матери, – повествует поэт, – он становится плотью и кровью. После появления на свет – люлька, пеленки и материнская грудь, робкие первые шаги. Затем ребенок (как правило, говорится о мальчике) набирается ума, входит в пору возмужания. У него пробивается борода, а вместе с ней «заселяется» в душу сатана, и, оказавшись во власти плотских желаний, герой проявляет склонность к недобрым делам. В сорок пять лет у человека в бороде появляется первая седина, запоздалой оказывается попытка исправиться – силы уже не те. За старческую немощь человека начинают оговаривать собственные дети, желающие как можно скорее от него избавиться. Он сам с собой ведет невеселый разговор о том, что расстанется со своей любимой семьей, с нажитыми на земле богатствами, а унесет в могилу лишь пять метров бязи. Далее поэт воспроизводит уже картины загробной жизни и приводит читателя к тому, что каждому воздается по его поступкам на этой земле, что каждому уготована кончина и что, пока есть возможность, нужно стремиться направить свои помыслы и дела ко всему светлому, благородному. Поэт излагает философское осмысление судьбы человека, от времени его появления и до его ухода в мир иной, до самого Судного дня. Представляет интерес философское осмысление жизни человека в разных измерениях: от небытия к небытию. Человек воспринимается как некая потенция, еще задолго до появления на свет, затем рассматриваются земная жизнь и её завершение, т.е. тот отрезок, который связан с уходом в мир иной.

Как богослов, Абдурахман из Какашуры не перестает напоминать о неизбежности смерти, о суетности и бренности всего мирского, о тщетности всех людских усилий. Преходящий характер всего земного поэт рисует через неустойчивость и недолговечность красоты материального мира. Он призывает не забывать о призрачности человеческого существования и истинности жизни после Судного дня:

«Аг'», – диянда гелип башым тутаг'ян,
Бир очак'ьда к'ярындашлык' этаг'ян,
Герекли гюн г'яр мурадым битаг'ян –
К'ярдашым найладынг, ай пана дюнья!

*Того, кто голову мою держал, когда мне нездоровилось,
Того, с кем мы жили у одного очага,
Того, кто в нужный день приходил ко мне,
С братом, что сделал ты, о бренный мир?*

Гёзюм къайда юлдуз йимик созулгъан,
Къашым къайда къалам йимик къыйылгъан,
Ягъымда инжи йимик тизилген –
Тишлерим найладынг, ай пана дюнъя! [4, с. 26]

(«Умутум гесилди, оьмюрюм гечди»)

*Где мои очи, подобные звездам,
Где мои брови, подобные перу,
Зубы мои, подобные перламутру,
Со мной, что сделал ты, о бранный мир!*

(«Жизнь моя прошла, мечты не сбылись»)

Неизбежная смерть обезличивает людей и тем самым уравнивает их. Поэт часто воспроизводит этот древний коранический образ смерти как всеобщей уравнилельницы, дарящей одинаково всем – и богатым, и бедным, и счастливым, и обездоленным, – два метра земли и кусок белой материи («Гъей, сагъа мюлк болуп къалажакъ тюгюл» – «Эй, с тобой не останется (мир) навеки», «Гюндюз къазан, гече юхлап ятарсан»; «Днем копишь (богатства), ночью спишь»). Смерть укладывает покойников в «одном доме», беспощадно срывает регалии с именитых, лишает их всех титулов и богатств, не оставляет им привилегий перед бедными:

Ата дедим, ана дедим, къалмады,
Алардан жаныма мадат олмады,
Падишагълар, пахруханлар къалмады –
Мен де къалман эни, алгъамдулиллагъ [4, с. 45].

(«Ата дедим, ана дедим – къалмады»)

*Ни отец, ни мать мои не остались (в этом мире),
Душе моей от них нет помощи,
Ни падишахи, ни гордые ханы не остались –
И я не останусь здесь, хвала Всевышнему.*

(«Ни отец, ни мать моя не остались [в этом мире]»)

В могиле «нет дверей, чтобы войти, нет пищи, чтобы вкусить, нет света, чтобы увидеть». Смерть страшна своей необратимостью. Горечь смерти воспринимается Абдурахманом из Какашуры как следствие быстротекущей жизни, уподобляемой поэтом дереву без корней, морю, в котором будут потоплены все корабли.

В перечисленных выше сопоставлениях особенно рельефно выступает назидательная сторона смерти. Закат жизни не радует, когда ее дни растрочены понапрасну, на удовлетворение «плотского начала». Неизбежность кончины каждого, равно как и ответ за содеянное, предопределены самим мироустройством, записаны на скрижалях судьбы. Это завершение отведенного срока, испитее до дна чаши жизни:

Кёп оьмюрюн зая этди,
Дагъы гёрмегендей гетди,
Тувмагъандай болуп битди –
Гетди, мисгин Абдурагъман [4, с. 44].

(«Бу дюнъяны чох сынады»)

*Бесполезно проведя большую часть жизни,
Ушел, как будто его и не было,
Будто и не родился он –
Ушел, покойный Абдурахман.*

(«Много испытал [Абдурахман] этот мир»)

Смерть с беспощадной отчетливостью выявит все доброе и злое в делах и помыслах человека, человек узнает цену содеянного им, обожжется стыдом за свои пороки:

Кёклер булан ер тербенсе,
Тавлар гъавалагъа минсе,
Гъеч кимге мадат олмаса –
Къыйын ол гюндюр, ол гюндюр [4, с. 65].

(«Мискин адам, харип адам»)

*Когда сотрясутся небо с землей,
Когда горы поднимутся в небеса,
Когда никому не будет помощи –
Тяжко придется в тот день, в тот день.*

(«Бедный человек, немощный человек»)

В конце каждого произведения автор не отделяет и себя от греха, предстает в образе факира, бедняка, невежды и беспечного человека. В устах Абдурахмана из Какашуры – суфийского поэта – такие формульные выражения вдобавок к типично литературному, риторическому значению приобретают также и традиционно-суфийское, самоуничжительное значение, подчеркивающее ничтожество поэта и человека вообще. На самом деле это была сложившаяся в суфийской поэзии традиция использования определенных литературных средств – формульных выражений, клише. Абдурахман из Какашуры идет на сознательный наговор на самого себя, используя типичную формулу «неспособности» и неоднократно объявляет себя невеждой, ничтожным, факиром, чтобы подчеркнуть мысль о том, что цель суфия гораздо выше и значительнее. Поэтому нельзя понимать в буквальном смысле встречающиеся в средневековых дагестанских литературных сочинениях авторские выражения, подобные таковым Абдурахмана из Какашуры, поскольку они суть особенности средневековой восточной, в том числе и дагестанской поэтики, неотъемлемым элементом которой были традиционные формульные выражения, которые не имели ничего общего с реальной действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–X вв.). М., 1974. 254 с.
2. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. *Султанов Г.И.* Рукописная историческая книга и ее читатели в странах средневекового мусульманского Востока Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 71–80.
4. *Абдурахман из Какашурь.* Сборник назмов / сост., авт. предисл., транслит. с аджама на кириллицу и коммент. *Т. Акамов.* Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. 168 с.
5. *Акамов А.Т.* Коранические мотивы в творчестве Ибрагима из Эндирея // *Вестн. Дагест. науч. центра.* 2011. № 40. С. 85–90.
6. *Абдуллатипов А.-К.Ю.* История кумыкской литературы (до 1917 года). Махачкала: ДНЦ РАН, 1995. 213 с.
7. *Фомкин М.С.* Султан Велед и его тюркская поэзия. М.: Наука, 1994. 190 с.

*Поступила в редакцию 05.04.2014 г.
Принята к печати 28.09.2014 г.*